

**«ЖЕЛТИЗНА ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ЗДАНИЙ»:
ЦВЕТ И МАТЕРИАЛ В СТИХОТВОРЕНИЯХ
О. МАНДЕЛЬШТАМА О САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ**

М.П. Гребнева, А.А. Качесова

Ключевые слова: акмеизм, Серебряный век, топос, «вещественность», архитектурный образ, символика цвета

Keywords: Acmeism, Silver Age, Topos, Materiality, architectural image color symbolism

DOI 10.14258/filichel(2024)4-10

Осип Мандельштам — один из ярчайших представителей литературы начала XX столетия. Начало его творческого пути приходится на расцвет литературы Серебряного века. Однако труднее отнести поэта к одному из направлений, существовавших в обозначенное время: часть критиков полагает, что О. Мандельштам — поэт-акмеист [Долинин, 2014], некоторые исследователи причисляют его к неореалистам [Петрова, 2001], другие рассматривают лирику О. Мандельштама в контексте литературы символизма [Лекманов]. Лирический пласт произведений О. Мандельштама не вписывается в строгие рамки определенного направления: поэт прошел путь как символиста (первые стихотворения), так и акмеиста (сборник «Камень»), поэта направления «реализма нового века» [Марголина, 1989, с. 52] (сборники «Московские стихи», «Воронежские тетради»).

С акмеистической лирикой О. Мандельштама роднят интерес к прошлому — мифам и древней истории, стремление к зримой конкретности, цитатность [Видющенко, 2021, с. 133]. Одной из характерных черт акмеизма является отображение материального мира, воплощающееся в художественном тексте с помощью предметной тематики, «вещественности» образов [там же, с. 129]. Как утверждают Л.Г. Кихней и Е.В. Меркель, «задача акмеизма — вернуть реальному миру его онтологическую ценность» [Кихней, 2015, с. 129]. «Реальный мир» нашел отражение в «городской» лирике О. Мандельштама, неоднократно обращавшегося к теме города. Поэт отображал как русские («Пусти меня, отдай меня, Воронеж...», «На розвальнях, уложенных соломой...»), так и зарубежные («Париж», «Рим», «Мне Тифлис горбатый снится...») городские пейзажи.

Особое место в жизни и творчестве О. Мандельштама отведено Санкт-Петербургу: в городе на Неве он вырос, окончил училище, в пе-

тербургском издании был опубликован первый лирический сборник поэта, северная столица представлена во многих его стихотворениях. Поэтические тексты О. Мандельштама о городе на Неве могут быть отнесены к так называемому «петербургскому тексту» [Ронен, 2006, с. 148]. Его традиции были заложены в русской литературе XVIII века: Санкт-Петербургу посвящены некоторые из произведений В.К. Тредиаковского, а затем — А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, Андрея Белого, поэтов-акмеистов, «оправдавших» город «путем чисто поэтического снятия сложившихся противопоставлений в таких основанных на контрастах тропах, как антитеза, оксюморон и ирония» [Ронен, 2006, с. 149]. О. Ронен полагает, что и О. Мандельштам в своем творчестве «оправдал» Петербург: снял привычные для «петербургского текста» антитезы бедность — богатство, подневольность — власть, мятеж — империя («Петербургские строфы»), опровергнул представление о Северной столице как о «сонной грезе» («Дев полуночных отвага...») [Ронен, 2006, с. 155].

Одно из стихотворений О. Мандельштама — «Заснула чернь. Зияет площадь аркой...» (1913) (Осип Мандельштам. Полное собрание сочинений. 2009. Т. 1. С. 67)¹ — посвящено Северной столице. Упоминание в нем такого архитектурного ансамбля, как Дворцовая площадь, позволяет осмыслить судьбу целой страны. Российская держава непоколебима и тверда, как камень, бронза и железо: «Луной облита бронзовая дверь», «Россия, ты — на камне и крови — / Участвовать в твоей железной каре». Однако в мощной державе проживают не сильные духом граждане, а люди незначительные и обреченные: столица хоть и является оплотом мощного государства, но одновременно с тем это мрачный мир, который населяют заснувшая «чернь» — подневольные граждане и высшая власть — «тени государей» (не сами государи, а их тени, напоминающие о былом величии России). Государство противопоставлено человеку: империя могущественна, гражданин же — существо слабое. Над страной нависла «железная кара» — злой рок: в ней царят насилие, убийства. «Железная кара» ассоциативно соотносится с библейским «жеслом железным» — символом кары Божьей, которая будет «ниспослана» на государство.

Главная петербургская площадь упоминается и в стихотворении «Императорский виссон...» (1915) (Т. 1. С. 84), в котором Петербург представлен как пространство мрачное: столица окутана «черным ому-

¹ Здесь и далее ссылки на цитированные страницы и том даны по изданию: Мандельштам О. Полное собрание сочинений и писем. В 3 т. Т. 1. Стихотворения / Вступ. ст. Вяч. Вс. Иванова, подг. текста и комм. А.Г. Меца. М., 2009.

том», сквозь «темную арку» (арку здания Главного штаба) проходят пешеходы. Город на Неве становится для О. Мандельштама местом притяжения нечистой силы. Описывая площадь Северной столицы, он обращается к Александровской колонне: «*В черном омуте столицы / Столпник-ангел вознесен*» — злые силы (*черный омут*) противопоставлены ангелу как библейскому духовному существу, сообщающему волю Божью, омут как пространство низшее (в одном из значений омут — «глубокая яма» [Кузнецов, 2000, с. 713]) или связанное с водой (если рассматривать омут как водоворот на реке [там же, с. 713]) — пространству высшему, небесному (подчеркивается, что ангел вознесен, он столпник — находится на высоте — столпе). Небо — зона божественного, наполненного светом, ему противопоставлено место земное — «вещное», принадлежащее людям: «*Только там, где твердь светла, / Черно-желтый лоскут злится, / Словно в воздухе струится / Желчь двуглавого орла*» — к божественному относится светлая твердь, к человеческому — флаг Российской империи с гербом — черным двуглавым орлом на желтом фоне (черный цвет вызывает ассоциации с трауром, безнадежностью, опасностью [там же, с. 1474], желчь — с горькой жидкостью либо злобой [Кузнецов, 2000, с. 302]). Желтый цвет олицетворяет могущество государства и в стихотворении «Петербургские строфы» (1913) (Т. 1. С. 63), в котором упоминается «желтизна правительственных зданий», — в этот цвет окрашены здания органов власти. Главная петербургская площадь, Петербург в целом становятся у О. Мандельштама как местом притяжения темных сил, так и воплощением мощи державы, олицетворением ее имперской доблести.

Величественным город на Неве предстает и в стихотворении «Адмиралтейство» (1913) (Т. 1. С. 66): Санкт-Петербург — это и Петра творенье («*Ладья воздушная и мачта недотрога, / Служа линейкою приемникам Петра*»), и город, архитектура которого напоминает об античных, библейских временах — упоминаются фрегат и акрополь («*И в темной зелени фрегат или акрополь / Сияет издали, воде и небу брат*»), ковчег («*Не отрицает ли пространства превосходство / Сей целомудренно-построенный ковчег*»). Фрегат — корабль-государство, который держит путь в соответствии с ходом истории, Петербург можно назвать акрополем и ковчегом для России — это оплот государственности, хранилище российских истории и культуры. Северная столица не только «окно в Европу», но и центр мироздания, которому подвластно все: «*И вот разорваны трех измерений узы / И открываются всемирные моря!*». Образ творца — простого зодчего («*Он учит: красота — не прихоть полубога, / А хищный глазомер простого столяра*») соотносится с архи-

тектурными деталями, встречающимися в лирических текстах О. Мандельштама, однако в стихотворении материалом выступают не привычные металл или камень, а дерево (столяр — мастер работы по дереву): поэт высекает свои произведения из простого материала, он подобен ремесленнику. Санкт-Петербург становится пространством творчества: он позволяет «хищному глазомеру» создавать произведения искусства, подобные Адмиралтейству.

Петербург для О. Мандельштама — город, связанный с образом не только создателя — Петра I, но и воспевателя петербургских мест — А.С. Пушкина. В стихотворении «Дев полуночных отвага...» (1913) (Т. 1. С. 64) возникает пушкинский «медный всадник». Петербург для поэта — пространство меди и гранита («Если явь — Петра создание, / Медный всадник и гранит?») — крепких металла и камня. Таков и «характер» Петербурга — он непоколебим, холоден. Памятник Петру Великому, гранитные «украшения» Петербурга, Нева («Ветер западный с Невы») относятся к «яви», пространству реальному, и они дороже поэту-акмеисту, чем символистское иноземное, мистическое пространство, в которое можно попасть с помощью алкоголя («Кто, скажите, мне сознание / Виноградом замутит»), поскольку реальность «гораздо глубже бреда / Воспаленной головы», а употребление алкоголя могут заменить приятные «Звезды, трезвая беседа». Сам Гумилев выделял это стихотворение, в котором автор отказывается от «дионисийства» ради «трезвой беседы» [Десятов, 2018, с. 145].

Через детали природного и «вещного» мира Северная столица описывается и в стихотворении «Мне холодно. Прозрачная весна...» (1916) (Т. 1. С. 92), в котором город «одевается» в «зеленый пух» — летнюю листву, а по дорогам разъезжают автомобилей «светляки», — поэт использует нетемные цвета, и кажется, что его отношение к Петербургу изменилось, однако для него Петрополь по-прежнему пространство скорее отталкивающее: «как медуза, невская волна / Мне отвращенье легкое внушает». О. Мандельштам использует слово «убить», имеющее отрицательные коннотации, подчеркивающее его отношение к столице: «Но никакие звезды не убьют / Морской воды тяжелый изумруд». Город на воде для поэта остается прежде всего местом каменным: вода, источник жизни, у него — тяжелый камень: «Морской воды тяжелый изумруд». «Прозрачная весна», «Петрополь прозрачный» указывают на бесцветность, обезличенность столицы, в которой герой замерз как телом, так и душой («Мне холодно»), а также, как полагает А.Г. Мец [Мец, 2009, с. 555], на связь города с потусторонним миром. В стихотворении «В Петрополе прозрачном мы умрем...» (1916) (Т. 1. С. 92) чи-

таем: «*Мы в каждом вздохе смертный воздух пьем*» — таким образом, городское пространство — это мир зла, торжества смерти.

Мрачность Северной столицы подчеркивается и в стихотворениях, созданных после Октябрьской революции 1917 года. В стихотворении «*В Петербурге мы сойдемся снова...*» (1920) (Т. 1. С. 111) появляется солнце, однако даже символ жизни, света в Северной столице оказывается погребенным: «*В Петербурге мы сойдемся снова, / Словно солнце мы похоронили в нем*». Неяркое солнце («*Все поют блаженных жен крутые плечи, / А ночного солнца не заметишь ты*») — это и символ заката культуры [Концова, 2011], происходящего именно в Петрограде. Этот город — начало начал (о библейском Слове, являющемся истоком всего, напоминают стихи «*И блаженное, бессмысленное слово / В первый раз произнесем*»), он вводит в состояние блаженства («блаженное, бессмысленное слово», «поют блаженных жен родные очи»), и одновременно он озлоблен, похож на хищника, это дряхлое место («*Только злой мотор во мгле промчится*», «*Дикой кошкой горбится столица*»). Таким образом, Петербург для поэта — старейший град, готовый, подобно зверю, уничтожить человека и культуру как творение последнего. О. Мандельштам обращается и к теме власти: диктатура пролетариата, по его мнению, так же лишена смысла, как пустота: «*В черном бархате советской ночи, / В бархате всемирной пустоты*». Одновременно с этим советская власть величественна, по природе своей является имперской — бархат всегда считался символом роскоши [Михайлова, 2012]. Негативное отношение к советской действительности подчеркивается обращением к темным цветам и явлениям, ассоциирующимся с темнотой — к ночи, мгле: «*Только злой мотор во мгле промчится / И кукушкой прокричит. / Мне не надо пропуска ночного, / Часовых я не боюсь: / За блаженное, бессмысленное слово / Я в ночи советской помолюсь*», «*Все поют блаженных жен крутые плечи, / А ночного солнца не заметишь ты*». Красный цвет появляется в завершающей строфе: «*Где-то грядки красные партера, / Пышно взбиты шифоньерки лож*». Таким образом, советское государство олицетворяют черный и красный цвета: черный — цвет тьмы, мрака, красный же цвет позволяет вспомнить о такой жидкости, как кровь [Кузнецов, 2000, с. 467]. И черный, и красный цвета связаны у поэта с насилием, смертью. Советский Союз для него — пространство мучений и истязаний.

Мрачным, пугающим Петербург представлен и в стихотворении «*На страшной высоте блуждающий огонь!..*» (1918) (Т. 1. С. 102). Столица борется против врага — немецких захватчиков. Она окрашена в непривычные цвета: звезда — бесцветная и зеленая («*Прозрачная звез-*

да, блуждающий огонь», «Зеленая звезда летает») — теперь не только небесное тело, но и символ торжества идей коммунизма в послереволюционную эпоху. Наступление немецких войск несет за собой гибель для Петербурга и страны в целом: время расцвета всего живого обесцветилось, а главная река Северной столицы темна («Прозрачная весна над черною Невой») — город ждет скорая неотвратимая гибель (неслучайно используется эпитет «Твой брат, Петрополь, умирает», напоминающая приговор, казалось, несокрушимо граду). Санкт-Петербург некогда был братом «воде и небу» («Адмиралтейство»), но теперь стал братом скорее смерти: апокалиптические мотивы связаны не только с образом звезды, огня («На страшной высоте блуждающий огонь», «На страшной высоте земные сны горят»), но и с образом корабля — России, зловеще идущей навстречу гибели: «Чудовищный корабль на страшной высоте / Несется, крылья расправляет...».

В зрелой лирике О. Мандельштама неслучайно все чаще встречаются яркий красный, а также «уютный» шоколадный и невзрачный серый цвета. Указанные цвета появляются, к примеру, в стихотворении «Вы, с квадратными окошками...» (1924) (Т. 1. С. 140): «А давно ли по каналу плыл с красным обжигом гончар», «Шоколадные, кирпичные, невысокие дома», «Ходят боты, ходят серые у Гостиного двора». Сквозь суровость Северной столицы в лирических текстах этого периода пробивается бытовая, «теплая», сторона города: каток, мандарины, «мокко золотой» («И торчат, как щуки ребрами, незамерзшие катки, / И еще в прихожих слепеньких валяются коньки... // Ходят боты, ходят серые у Гостиного двора, / И сама собой сдирается с мандаринов кожура. // И в мешочке кофий жареный, прямо с холоду домой, / Электрической мельницей смолот мокко золотой») — О. Мандельштам обращается к повседневной, обыденной стороне города.

Напротив, «парадная» сторона Петербурга показана в стихотворении «С миром державным я был лишь ребячески связан...» (1931) (Т. 1. С. 153): внешние приметы столицы — гвардейцы, бобровая шапка, празднества. Дореволюционная империя для О. Мандельштама не уютное пространство, а место неродное, по-имперски роскошная жизнь («Устриц боялся и на гвардейцев глядел исподлобья», «С важностью глупой, насупившись, в митре бобровой») осталась в прошлом. Имперскость Петрограда подчеркивается с помощью желтого цвета: «И над лимонной Невой под хруст сторублевый». Поэт не чувствует связи со столицей: «И ни крупницей души я ему не обязан, / Как я ни мучал себя по чужому подобию». О. Мандельштам пытается избавиться от памяти, преодолеть зависимость от Петербурга. Но и совре-

менный город на Неве для него — место чуждое: из него можно только бежать к nereидам («*Чуя грядущие казни, от рева событий мятежных / Я убежал к nereидам на Черное море*»), поскольку город таит в себе угрозу: он «*наглет, / Самолюбивый, проклятый, пустой, молодежавый*». Ни Петроград прошлого, ни Петербург настоящего не могут служить опорой, поэтому остается лишь бегство во времена античности (древнегреческих нимф) или средневековой леди Годивы. Последняя избрана как девушка с рыжими волосами («*Не потому ль, что я видел на детской картинке / Леди Годиву с распущенной рыжею гривой*»), она олицетворяет европейские свободу и красоту, которые нашли выражение в архитектуре Петербурга — «цветника» европеизма на русской земле.

В стихотворении «Я вернулся в мой город, знакомый до слез...» (1930) (Т. 1. С. 152) описано пребывание поэта в Северной столице, ныне именуемой не в честь Петра I или по аналогии с Афинским Акрополем (Петрополь), а по-советски. Несмотря на кровную связь с городом (с красным цветом вызывает ассоциации упоминание человеческих прожилок, а также мяса [Кузнецов, 2000, с. 467]: «*Я вернулся в мой город, знакомый до слез, / До прожилок, до детских припухлых желез*», «...и в висок / Ударяет мне вырванный с мясом звонок»), О. Мандельштам чувствует себя в нем неуютно. Его жилище — не просторное место, наполненное светом и теплом, а пространство «черной лестницы». Петербург — город-кладбище, О. Мандельштам — словно человек без адреса, не ощущающий связи с родными местами: «*Петербург, у меня еще есть адреса, / По которым найду мертвецов голоса*». В этом городе опасно находиться, поскольку теперь он напоминает тюрьму: «*И всю ночь напролет жду гостей дорогих, / Шевеля кандалами цепочек дверных*». Советский Союз становится для поэта государством, в котором он жил, «*под собою не чуя страны*» («Мы живем, под собою не чуя страны...») (1933) (Т. 1. С. 184).

В поэтическом мире О. Мандельштама значительное место отводится предметному миру, который изображается, в частности, посредством указания на цвет и материал.

В стихотворениях о Петербурге разнообразна цветопись. Посредством использования желтого цвета в ранней лирике передаются могущество и несокрушимость державы: желтый цвет присутствует в цветовой палитре флага страны, в него окрашены правительственные здания столицы империи. В раннем творчестве О. Мандельштама упоминаются и темные цвета, указывающие на мрачность, неприветливость Петербурга и позволяющие показать, что государственность враждебна че-

ловеку. Черный и желтый цвета противопоставляются в одном из стихотворений О. Мандельштама светлomu оттенку цвета: светлая твердь — пространство божественное, и оно противоположно пространству земному, человеческому, элемент которого — черно-желтый флаг. Трагические события, выпавшие на долю города, передаются через черный и прозрачный цвета: прозрачность связана с пустотой и бессмысленностью, смертью, на последнюю указывает и использование черного цвета. Серый, золотой, шоколадный цвета передают «теплоту» города, позволяют отразить его «непарадную» сторону. Красный цвет указывает на положение, в котором находится не только Северная столица, но и страна, период становления советской власти в которой связан с кровавыми жертвами.

Оттенки темных цветов передаются О. Мандельштамом и через природные явления и состояния: метель, туман, ночь.

Петербург О. Мандельштама — город по преимуществу каменный, «металлический», «железный»: в лирических текстах встречаются «камень», «изумруд», «кирпич», упоминаются различные металлы. Указанные материалы ассоциируются с закрытостью, холодностью — именно таким предстает перед поэтом город на Неве, который населяет «серый» люд и который стремится уничтожить человека и творения, созданные им. Упоминание дерева позволяет взглянуть на Петербург как на средоточие творческой силы поэта — простого ремесленника, живущего в городе — оплоте империи и центре вселенной. Камень и различные металлы, а также ткань — бархат помогают О. Мандельштаму отразить мощь Петербурга как столицы России, истока новой русской культуры. В зрелом же творчестве поэта Петербург — не столько почтенная столица, сколько город смерти, мучений, окутанный страхом, исполненный злобой. Идеалом для О. Мандельштама служит не Петербург прошлого и настоящего (согласно поэту, во все времена в Северной столице царил насилие), а древность — библейские, античные времена и Средневековье.

Библиографический список

Видющенко С.И. Поэтика акмеизма в социокультурном контексте русского модернизма // Русский язык и русская литература в поликультурном пространстве и профессиональной коммуникации. Брянск, 2021.

Десятов В.В. Акмеистический храм. Фрагменты диалога Николая Гумилева и Осипа Мандельштама // Вопросы литературы. 2018. № 3 (3). URL: <https://doi.org/10.31425/0042-8795-2018-3-123-169>

Долинин А.С. Акмеизм // Акмеизм в критике. 1913–1917. СПб., 2014. URL: http://az.lib.ru/d/dolinin_a_s/text_1913_akmeizm.shtml

Кихней Л.Г., Меркель Е.В. Аксиология повседневных вещей в поэтике акмеизма // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 1.

Концова Е.В. «Вещь с историческим смыслом»: опыт анализа одного стихотворения О. Мандельштама // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. № 10.

Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2000.

Лекманов О. Мандельштам и символизм // Серебряного века силуэт... URL: <http://silverage.ru/olekmansim/>

Марголина С.М. Мироззрение Осипа Мандельштама. Marburg, 1989.

Мец А.Г. Комментарии // Мандельштам О. Полное собрание сочинений и писем: в 3 т. Т. 1. Стихотворения. М., 2009.

Михайлова И. Великолепный «косматый», «рытый», «петливатый»: бархат в средневековой Европе // Теория моды: одежда, тело, культура. 2012. № 3.

Петрова Н.А. Поэтика О. Мандельштама в аспекте становления ноэтического реализма : автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Пермь, 2001.

Ронен О. Оправдание Петербурга у акмеистов // Эткиндовские чтения. II–III : сб. статей по материалам чтений памяти Е.Г. Эткинда. СПб., 2006.

Источник

Мандельштам О. Полное собрание сочинений и писем. В 3 т. Т. 1. Стихотворения / Вступ. ст. Вяч. Вс. Иванова, подг. текста и комм. А.Г. Меца. М., 2009.

References

Vidyushchenko S.I. Poetics of Acmeism in the Sociocultural Context of Russian Modernism. *Russkij yazyk i russkaya literatura v polikul'turnom prostranstve i professional'noj kommunikacii* = Russian Language and Russian Literature in the Multicultural Space and Professional Communication, Bryansk, 2021. (In Russian)

Desyatov V.V. Acmeistic Temple. Fragments of the Dialogue between Nikolai Gumilyov and Osip Mandelstam. *Voprosy literatury* = Questions of Literature, 2018, no. 3 (3). URL: <https://doi.org/10.31425/0042-8795-2018-3-123-169/> (In Russian)

Dolinin A.S. Acmeism. *Akmeizm v kritike*. 1913–1917 = Acmeism in Criticism. 1913–1917, St. Petersburg, 2014. URL: http://az.lib.ru/d/dolinin_a_s/text_1913_akmeizm.shtml (In Russian)

Kikhney L.G., Merkel E.V. Axiology of Everyday Things in the Poetics of Acmeism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Tomsk State University, 2015, no. 1. (In Russian)

Kontsova E.V. “A Thing with Historical Meaning”: An Analysis of One Poem by O. Mandelstam. *Aktual'nyye problemy gumanitarnykh i yestestvennykh nauk* = Actual Problems of the Humanities and Natural Sciences, 2011, no. 10. (In Russian)

Kuznetsov S.A. *Large Explanatory Dictionary of the Russian Language*. St. Petersburg, 2000. (In Russian)

Lekmanov O. Mandelstam and Symbolism. *Serebryanogo veka siluet... = Silhouette of the Silver Age...* URL: <http://silverage.ru/olekmansim/> (In Russian)

Margolina S.M. *Worldview of Osip Mandelstam*, Marburg, 1989. (In Russian)

Metz A.G. Comments. *Mandel'shtam O. Polnoye sobraniye sochineniy i pisem* = Mandelstam O. Complete Works and Letters, vol. 1. Poems. Moscow, 2009. (In Russian)

Mikhailova I. Magnificent “shaggy”, “dug”, “loopy”: velvet in medieval Europe. *Teoriya mody: odezhd, telo, kul'tura* = Theory of fashion: clothing, body, culture, 2012, no. 3. (In Russian)

Petrova N.A. *Poetics of O. Mandelstam in the aspect of the formation of noetic realism*. Abstract of Doct. Philol. Diss., Perm, 2001. (In Russian)

Ronen O. Justification of Petersburg by the Acmeists. *Etkindovskiye chteniya ... pamyati Ye.G. Etkinda* = Etkind Readings ... in memory of E.G. Etkind. St. Petersburg, 2006, II–III. (In Russian)

Source

Mandelstam O. Complete works and letters. In 3 vols. Vol. 1. Poems, Moscow, 2009. (In Russian)